

Лара Галль

ЛЮБОВЬ. ДО И ПОСЛЕ

О тебе, о нем и о том, как любовь-сомнение
превращается в любовь-безмятежность

Издательство АСТ
Москва

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие · 5

Весна · 13

Лето · 98

Осень · 120

Зима · 165

Печальный раздел · 191

Послесловие · 219

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда мужчина образовал с тобой пару, для него не исчезли все женщины мира — они по-прежнему его волнуют, И ЭТО НОРМАЛЬНО, это и означает «мужчина».

Мужчина – это, прежде всего, тот, кого волнуют женщины (пишу как гетеросексуал о гетеросексуалах для гетеросексуалов же).

И женщины всю жизнь будут его волновать — всю жизнь, пока в нем живет мужская стихия.

И что тебе делать с этим — тебе, той, кого он завлек образовать с ним пару?

Ну или ты его завлекла образовать с тобой пару, неважно.

А что ты можешь против стихии?

Плакать в мужчину, говорить, что тебе больно от того, что он не может себя условно оскотить ради тебя?

Рыдать и бунтовать, что мужская природа так устроена и не предусматривает для тебя эксклюзивного положения?

Посвятить жизнь тому, чтобы доказать мужчине, что ты лучше всех прочих женщин?

Удерживать его фокус на себе?

Сломать и унасекомить его, чтобы презирать? И тогда не так больно будет от того, что он так устроен?

Этот вечный лютый сюжет: женщина хочет, чтобы мужчина думал только о ней, — а иначе она:

уязвлена;

чувствует себя незащищенной;

чувствует себя преданной («Кем она себя мнит, вообще, чтобы чувствовать такое?»);

чувствует, что мужчина козел-скотина-подлец, потому что, не обеспечив даже минимум ее ожиданий о том, каким он обязан быть, отвлекается на других.

Женщина чувствует себя обманутой, хотя ее представление о мужчине изначально ложное.

Она полна заблуждений о мужчинах, и самое главное заблуждение — о ее личной роли в его жизни.

Женщина полагает по умолчанию, что мужчине ее не хватает. И вот она приходит в его жизнь, и у мужчины сразу жизнь складывается в закон-

ченный пазл. Пусть сидит и радуется, наслаждается тем, как ему теперь хорошо, — когда она наконец нашлась.

Нашлась дорогая пропажа, встала, как бесценный чип в порт, и всё заработало у мужчины в жизни — она его собой оживила.

Ну вот так примерно представляет женщина свою роль, что поделать.

Такое у нее о себе мнение.

Какие у нее для этого основания? Никаких, это баг такой программный в ее прошивке.

Так природа захотела, угу.

Иначе бы женщину было не заманить в пару с мужчиной.

Знай она изначально, что настолько мужчине не нужна и даже тягостна, — не заманить бы ее было так глубоко в пару, обошлось бы гормональным слоем, ну и деторождением. Не у всех, впрочем, многим женщинам дети не особенно и нужны.

А так — если бы отсутствовало искушение: «Я пришла в твою жизнь царить и править твоим сердцем и прочим ливером и великодушно тебя под себя подстраивать, болван ты мой недоделанный!» — ну кто бы из нас подписался на то, чтобы быть

в паре, где такая привилегия не часть пакета?

И вот с таким подходом женщина принимается за проект «Мы — пара» и вдруг обнаруживает, что для мужчины все прочее женское население вовсе не перестало существовать;

и он экипирован неугасимым и неотменимым интересом к женской стихии

и, чтобы как-то совладать с этим вызовом, отчаянно пытается делить носительниц стихии на «ябвдул» и «ябневдул»;

и его мозг занят преимущественно этим, вместо того чтобы сосредоточиться на том, чего от него хочет его женщина.

Вместо того чтобы вслушиваться в ее лепет ожиданий, он принимает бесконечный природный вызов, бросаемый ему женской стихией повсеместно,

потому что он себя ощущает мужчиной относительно этой стихии,

и другие мужчины его оценивают сообразно дремучей беспощадной шкале: как он эту женскую стихию укрощает/имеет.

А женщина, полагаящая этого мужчину своим, даже не подозревает о такой подставе со стороны мироустройства;

ей нужен мужчина, чтобы распоряжаться им в ее мире, который она отбивает у хаоса каждый день

и делает из него маленький космос, где всё на своем месте и она своей силой вращает в нем планеты Дети, Быт, Школа, Социальные лайки, Муж, — и вот этот самый муж саботирует ее усилия почему-то и не дает ей чувствовать себя успешной среди других женщин, в чьей иерархии также судят по тому, сколько мужской стихии ты укротила и поставила себе на службу.

Женщина хандрит даже, когда мужа удалось-таки впрямь помогать вращать ее космос (который она считает почему-то общим), и себя считает работающей на общее благо, хотя космос этот — ее проект гнезда, проект, куда мужчина вписан очень криво и держится приметанным на живую нитку, а уж когда мужчина эту живую нитку выдергивает и сбегает в укрытие, то женщина пафосно вздымается оскорбленной женской стихией внутри себя и огнем выдыхает слова «предательство» и «измена».

А ей ведь никто не обещал ни царства, ни даже полцарства мужчины.

Он вообще другое существо, нежели ей представлялось.

И только тем женщинам, кто удосужился увидеть и понять мужскую природу и устройство — и не только понять, но и принять без критики и бунта (а это

принятие и означает уважение к мужчине), — тем женщинам мужчины присягают на верность благодарностью.

Но это не та верность, когда все остальные женщины мира перестают существовать, — нет, те женщины никуда не деваются, от них по-прежнему идет дурман пола, но они образуют собой множество «бабы», а ты обретаешь различимое лицо и в это множество не вступишь теперь.

Теперь и только теперь ты победительница в игре, чьи правила ты наитием распознала и соблюла, — и тем эту древнюю игру выиграла.

Можно сказать, женская жизнь проходит те же циклы, что и природа: весна, лето, осень и зима. Я пишу из зимы, все еще помня благодать осени и тягостный жар лета и даже смутно различая в прошлой дали голые веточки весны.

Все это вместе напоминает витраж. Можно взять каждое стеклышко отдельно и рассматривать через него то, что попало на глаза именно сейчас. Можно открыть эту книгу на любой странице и прочитать строчки как диагноз или предсказание. Или шутку. Или раздражающее знание, что

хочется оспорить. Или как инсайт. Или утешение.
Или вызов.

Одно могу обещать: эти «стеклышки» живые.
В них — доза жизни. Принимать регулярно — и жизни прибавится. Смайл. Смайл.

ВЕСНА

1. Всё думаю, что самое первое сказать девушке, чтобы максимально ей обезболить дальнейшее взаимодействие с мужчиной.

Додумалась, что ничего тут не скажешь, ничем не экипируешь наперед.

Потому что любая снаряга будет соскальзывать, пока на девушке нет углублений контура, скажем так.

А углубления эти образуются только от того, что она всей собой оббивается о материал «мужчина».

Из этого материала созданы даже маленькие мальчики, и с годами он делается все более чуждым женщине.

И вот из этой чуждости она и соображает, что без экипировки какими-то приборами мужского

видения ей не сладить с собой в отношениях с мужчиной.

Глупые девушки, поняв это, артачатся и сердятся: «Пусть он ко мне приспособливается, почему я должна?!»

Умные девушки понимают, что пусть лучше мужчина зависит от их экипировки и развитых навыков, чем она будет зависеть от способностей мужчины к парному существованию.

А самые умные девушки заключают, что нет лучшей жизни, чем с собой, и катание бывает не только парным, но и восхитительно свободным.

Так что все мои попытки прикрепить к гладкому идеальному контуру девичьего сознания хотя бы начальный пакет какого-то знания о мужчине обречены.

Она собирается нырнуть в прекрасный бассейн с чудесной плотной водой и плыть в нем, наслаждаясь идеальной связью среды и тела, ее манит сама стихия воды в чаше бассейна — любовь.

Она еще не знает, что чаша эта пуста, а вода в ней залита в воображении — и только.

Стихия-любовь манит наружу, но сама живет глубоко внутри. Или даже высоко внутри — иначе не скажешь. И чтобы сказать о любви хоть что-то годное, придется много-много-много сказать о том, что не она. И тем приблизиться к ней.

2. Легче всего влюбляются в тех, кто умело взламывает твою тоненькую глазурь-защиту.

Умело взламывают те, кто делает это сладко.

Младенцы там или искренние эксгибиционисты души.

А еще те, кто рассказывает тебе о тебе, а когда говорит о себе, то обнажает для тебя такие закоулки души, куда ты не отваживаешься заглянуть даже к себе, — а тут пускают взглянуть в чужое, и это волнует, очень волнует.

И ты незаметно для себя взломана, ты помимо воли предоставила доступ в себя другому человеку

и добровольно подставляешь кожу под его укол очарования,

потому что хочешь и дальше слушать о себе, или хочешь смотреть в бесконечность чужой бездны,

или ощущать, как плавится нежностью душа от жара чужой тайны без всяких защит — их сняли для тебя.

Есть опасные умельцы взламывать, чтобы подчи-